

Концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе (на материале сказок о Емеле)

Шаколо А.В.

Учреждение образования

«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследования дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира. В основе сказочного дискурса – противопоставление дома и леса. «Дом» является ключевым концептом сказочного дискурса, чем и обусловлена актуальность его сравнительного анализа в волшебных сказках.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе на материале сказок о Емеле («По щучьему веленью»).

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны русские, белорусские и польские волшебные сказки, записанные А.Н. Афанасьевым, Л.Г. Барагом и К.Я. Эрбеном. В ходе работы использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурса-анализа.

Результаты и их обсуждение. Нами был проведен сравнительный анализ концепта «дом» в русской волшебной сказке «Емеля-дурак», польской «О глупом Пецивале» и белорусской волшебной сказке «Искарка-парубак Дзевічы сын». В русском и польском текстах были выявлены схожие сюжет и композиция и в равной степени важное значение концепта «дом», что не исключило наличия идиоэтнических особенностей в обоих случаях. В белорусском варианте сказки отмечено особенно трепетное отношение героя к родному дому, а также совмещение двух сюжетов: о щуче и о богатырях.

Заключение. Наряду с общими чертами, концепт «дом» обретает национальную специфику, свойственную той или иной лингвокультуре. Выделенные нами идиоэтнические и универсальные черты подтверждают необходимость дальнейшего анализа ключевых концептов сказочного дискурса восточных и западных славян, объединенных схожим сюжетом либо образом главного героя и не утративших актуальность в наше время.

Ключевые слова: концепт «дом», сказочный дискурс, русские, белорусские, польские волшебные сказки.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 132–136)

The Concept of Home in Russian, Belarusian and Polish Fairy-Tale Discourse (Based on the Material of Fairy Tales about Emelya)

Shakolo A.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Researches of the discourse analysis of the text have become more and more significant for linguists all over the world. In the basis of the fairy tale discourse is the contrast between the home and the forest. Home is a key concept of fairy tale discourse, which explains the relevance of its comparative analysis in fairy tales.

The purpose of the article is to analyze the concept of home in Russian, Belarusian and Polish fairy tale discourse on the material of fairy tales about Emelya ("At the Pike's Behest").

Material and methods. Russian, Belarusian and Polish fairy tales collected by A.N. Afanasyev, L.G. Barag and K.J. Erben were selected as the research material. To solve the set tasks, descriptive, inductive, comparative methods and the method of discourse analysis were used.

Findings and their discussion. We have conducted a comparative analysis of the concept of home in the Russian fairy tale "Emelya the Simpleton", in the Polish fairy tale "About the Stupid Petsival" and in the Belarusian fairy tale "Iskarka-Young Man, the Son of Princess". In the Russian and Polish texts, similar plot and composition were revealed, as well as the equally important meaning of the concept of home, which did not exclude the presence of idioethnic features in both cases. In the Belarusian variant of the fairy tale, the protagonist's especially reverent attitude to his family home is noted, as well as the combination of two plots: about the pike and about epic heroes.

Conclusion. Along with the common features, the concept of home acquires specific national features, which are typical for various linguistic cultures. The idioethnic and universal features highlighted by us confirm the need for further analysis

of the key concepts of the fairy tale discourse of the Eastern and Western Slavs, which are united by a similar plot or the image of the main character and have not lost their relevance to this day.

Key words: the concept of home, fairy tale discourse, Russian, Belarusian, Polish fairy tales.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 132–136)

Дискурс, будучи языковым выражением определенной общественной практики и вместе с тем ситуативным контекстом в сочетании с самим текстом [1, с. 230–232], является многозначным понятием с множеством вариантов трактовок. Исследования в области дискурсивного анализа текста представляют все больший интерес для лингвистов всего мира.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуального анализа рассматриваются в трудах таких ученых, как В.А. Маслова, А.Ю. Брицына, В.В. Иванов, В.И. Коваль, С.Ю. Неклюдов, В.Я. Пропп, М.В. Пименова. Поскольку вопрос дискурса и его составляющих остается открытым, особенно актуально выделение его важнейших компонентов. В нашем исследовании таковым выступает концепт «дом» как один из ключевых концептов сказочного дискурса.

В дискурсе волшебных сказок действие, как правило, охватывает две локации: дом и лес. К ним могут добавляться также сторонние, однако две вышеназванные являются основными, реализуя оппозицию «свой–чужой», лежащую в основе любой культуры. Под ключевым концептом мы понимаем концепт, который служит неотъемлемым элементом дискурса и присутствует в большей части волшебных сказок, а также играет важную роль в каждой из них (ср. «дом» как близкое, дорогое для главных героев место, куда они возвращаются в конце сказки, – за исключением случаев обретения нового *дома* в виде, например, дворца или замка).

С учетом названных признаков «дом» – ключевой концепт сказочного дискурса. Ключевым он является также и потому, что универсален как место, в котором начинается действие сказок. В *доме* проходит детство главных героев, с ним же, как правило, связана их семья. Этот же *дом* они по той или иной причине вынуждены покинуть в дальнейшем, чтобы впоследствии вернуться или найти новый *дом*. Тот, в свою очередь, обретает функции прежнего *дома*. Следовательно, можно утверждать, что концепт «дом» олицетворяет первую часть оппозиции «свой–чужой» в сказочном дискурсе, так как именно в нем находит свое воплощение все близкое, родное, безопасное для протагониста (главного героя или героини сказки) – в противовес непредсказуемости лесной стихии.

В нашей работе мы проанализируем концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе как воплощение «своего», сравним отношение к дому в фольклоре русских, белорусов и поляков как представителей восточно- и западнославянской лингвокультуры соответственно.

Цель статьи – проанализировать концепт «дом» в русском, белорусском и польском сказочном дискурсе, материалом при этом нам послужили варианты сказок о Емеле («По щучьему веленью»).

Материал и методы. В качестве материала исследования были выбраны русские, белорусские и польские волшебные сказки, записанные А.Н. Афанасьевым, Л.Г. Барагом и К.Я. Эрбеном соответственно. В ходе исследования использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный методы, метод дискурс-анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведем сравнительный анализ концепта «дом» в русской волшебной сказке «Емеля-дурак» из сборника А.Н. Афанасьева [2, с. 314–322], польской «О глупом Пецивале», записанной К.Я. Эрбеном [3, с. 134–140], [4, с. 53–60], и белорусской волшебной сказке «Искарка-парубак Дзевічы сын» из сборника Л.Г. Барага [5, с. 85–96]. Для сравнения нами взяты два варианта русской сказки о Емеле, текст польской сказки о Пецивале (дословно: «печном лежебоке»), записанной К.Я. Эрбеном на чешском языке, и его перевод на русский язык, а также текст белорусской волшебной сказки о сыне царевны, в первой части которой также представлен сюжет о дураке и щуке.

Поскольку в сюжетном и композиционном плане русская и польская сказки более схожи (белорусская сказка отличается особенной композицией и наличием новых сюжетных линий), проанализируем параллельно русский и польский варианты, а затем – белорусский.

Завязка в русской и польской сказках практически идентичная: отец оставляет троим сыновьям в наследство по сто рублей (в польском варианте – сто злотых) каждому. Далее двое более предприимчивых братьев отправляются на заработки, обещая привезти младшему кафтан либо рубаху (в польском тексте – пояс), шапку и сапоги красного цвета, если тот отдаст им свою долю наследства и будет помогать по хозяйству их женам (сам Емеля-Пецивал не женат).

Главный герой соглашается, однако и в русском, и в польском вариантах неохотно выполняет свое обещание относительно помощи невесткам. В польском варианте есть дополнительное уточнение касательно гастрономических пристрастий Пецивала: «Больше всего ему нравились квас, лук и подливка из поджаренной муки» [3, с. 135] – “Za to však nade všecko mu chutnával kvas, cibule a zaprážky” [4, с. 53]. Как отмечает В.А. Маслова, выделяют целый ряд кодов культуры, и гастрономический – один из них [6, с. 316]. В русской версии невестки в морозный день отправляют Емелю за водой, мотивируя это тем, что без воды ничего нельзя будет приготовить, в том числе и для него. Также они грозят Емеле тем, что тот останется без подарка от братьев.

В польском тексте невестки также мотивируют Пецивала угрозой остаться без подарка. Более того, они обещают приготовить ему квас, подливку и лук, если тот принесет воды. В тексте польской сказки также подчеркивается холодное время года: «Было это

зимой, на улице морозно...» [3, с. 135] – “Bylo to v zimě, venku mrzlo” [4, с. 53].

Далее сюжет развивается похоже в обоих вариантах: Емеля (Пецивал) ловит щуку. Первым желанием польского Пецивала становятся его любимые лук, квас и подливка, а только затем – чтобы бидоны с водой сами шли домой [3, с. 135–136].

После этого в русской и польской сказках следует эпизод с дровами, когда Емеля (Пецивал) отправляется за ними в лес на снях, по пути передавив множество людей. Польский текст также уточняет, что Пецивал взял с собой тарелку с луком и подливкой, а по дороге не только переехал многих людей, но и «опрокинул много возов, а женщин и детей напугал» [3, с. 137] – “Mnoho vozů zporážel, a žen i děti polekal” [4, с. 55]. В русской поясняется, что Емелю пытались догнать (чтобы с ним тотчас расквитаться, судя по всему), но не смогли [2, с. 315, 321].

Когда польский Пецивал возвращается домой тем же путем, жители города начинают его бить, но его глупость подчеркивается тем, что изначально главный герой принимает агрессию горожан за желание его пощекотать и лишь потом принимает меры. В русском варианте Емеля сразу отбивается от нападавших с помощью очередного желания.

Далее в обоих вариантах домой к главному герою царь (король) отправляет своего посланника, чтобы пригласить ко двору, иными словами, в царский или королевский дом, Емелю (Пецивала). В обоих вариантах первая попытка диалога с протагонистом оказывается неудачной, первый парламентар уходит ни с чем, униженный и избитый по желанию Емели (Пецивала), который так ответил на грубость своего гостя.

Далее царь (король) отправляет второго посланца, более осторожного. В русском варианте тот обещает Емеле уже упомянутые красные кафтан, шапку (рубашу) и сапоги, в польском – красные шапку, пояс и сапоги.

Главный герой и в русском, и в польском текстах при дворе царя (короля) видит его прекрасную дочь, и следующим его желанием становится любовь дочери правителя. Царь (король) не может с этим смириться и в обоих вариантах приказывает запереть молодых людей в бочке, а бочку – выбросить в море (в русском тексте), в польском – пустить по ветру.

Более того, в польской сказке бочка была стеклянной, а, чтобы осуществить задуманное, король звал к себе чернокнижника [3, с. 139]. В русском – это большая бочка с железными обручами, которую засмолили и бросили в воду; помощь чернокнижника не упоминается [2, с. 319, 322].

Схожий сюжет, с одной стороны, имеет место в сказке А.С. Пушкина «О царе Салтане» и афанасьевской «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре», параллели между которыми проводил В.П. Аникин [2, с. 659–671; 7], с другой – восходит еще к древнегреческой мифологии. Первоисточником сюжета с выбрасыванием ящика (или бочки) в море, в котором (которой) запирают двух человек (изначально – мать и сына) по приказу правителя является миф о Данае

и Персее [8, с. 572]. Более того, миф о Персее также повествует о трех артефактах, обретших в дальнейшем воплощение в волшебных сказках: шапка-невидимка, крылатые сандалии, заплечная сумка [8, с. 572]. Например, крылатые сандалии в волшебных сказках известны как сапоги-скороходы или семимильные сапоги.

Освободившись из бочки, Емеля-Пецивал и его невеста оказываются на острове. В польской версии дочь короля знает об острове заранее и просит Пецивала загадать желание, чтобы они оказались на «острове угощений» [3, с. 139] – “hostinný ostrov” [4, с. 57]. В русском варианте бочку по желанию Емели выбрасывает на берег [2, с. 319, 322]. Затем Емеля загадывает строительство мраморного дворца с хрустальным мостом [2, с. 320, 322]. В польском варианте изображен сначала сам остров угощений: «остров был волшебный, исполнявший все желания; глупец с королевной могли есть и пить, чего только ни пожелали» [3, с. 139] – “a ten ostrov byl takový, kdo na něm byl a něco chtěl, že všechno dostal; hlupec s královnou měli jíst a pít, co hrdlo ráčilo” [4, с. 57]. Дворец описывается более детально: «мраморный дворец с хрустальными окнами, золоченой мебелью и янтарной крышей» [3, с. 139] – “mramorový palác, s okny křišťálovými, pozlaceným nábytkem a jantarovou střechou” [4, с. 57]. Мост также «хрустальный на золотых сваях, с алмазными перилами, такой длинный, что шел прямо ко дворцу отца королевны» [3, с. 140] – “křišťálový most na zlatých bloucích, s diamantovým zábradlím, a to tak dlouhý, že dosahoval až ku paláci královnina otce” [4, с. 58].

Завершаются и польский, и русский варианты последним желанием главного героя: стать умным [2, с. 320; 3, с. 140]. Под таким желанием подразумеваются как интеллектуальные способности, так и знание хороших манер. В обоих вариантах молодой человек делает это не по просьбе дочери правителя, а по собственной инициативе.

Следует отметить, что сюжет с бочкой восходит не только к древнегреческой мифологии, но и имеет реальную историческую подоплеку. Дж. Фрэйзер в своей фундаментальной работе «Золотая ветвь. Исследование магии и религии» посвящает отдельную главу такой практике, как принесение правителями древних времен в жертву своих сыновей (в некоторых случаях – дочерей), что было обусловлено предсказаниями Дельфийского оракула, желанием продлить себе жизнь, спасти свой народ от опасности и другими схожими причинами [9, с. 373–377]. Вероятно, данный сюжет в несколько измененном виде перекочевал в мифы и волшебные сказки, что отразилось в русской и польской версиях проанализированного нами сказочного текста.

У В.Я. Проппа в труде «Исторические корни волшебной сказки» находим вероятные истоки образа стеклянной бочки из польского варианта сказки и хрустального моста, фигурирующего и в польском, и в русском текстах. В.Я. Пропп отмечает, что мотив хрустальной (стеклянной) горы и хрусталя в целом в русских, немецких сказках, в фольклоре индейцев и австралийских аборигенов напрямую связан с представлениями о потустороннем мире, – том свете [10, с. 532–535]. Хрусталь (а также кварц) является в сказках «очень

ранней формой волшебного средства, добываемого в ином мире и применяемого для всяких видов волшебных действий» [10, с. 535]. Подтверждением этому в нашем случае служит, например, тот факт, что в польском варианте сказки стеклянную бочку создает по велению короля чернокнижник, о чем было сказано выше.

В.Я. Проппом также проанализированы мотивы враждебности тестя по отношению к главному герою. В случае со сказкой о Емеле (Пецивале) наиболее очевидна следующая причина враждебности царя (короля): «Иногда враждебность мотивируется тем, что герой – солдат или мужик и что он неровня царевне» [10, с. 561]. Подтверждается это текстом обоих вариантов, русского и польского. В польской сказке: «Король всячески отговаривал дочь от замужества» [3, с. 139] – “Král jí to všelijak vumlouval“ [4, с. 57]. В русской: «Отец рассердился, обвенчал их и велел посадить обоих в бочку» [2, с. 319, 322].

Гнев отца невесты в обоих случаях был вызван низким социальным статусом героя, а также тем, что Емеля (Пецивал) слыл в народе дураком. В финале же обеих сказок (и русской, и польской) тесть доволен главным героем, который становится умным и обходительным [2, с. 321, 322; 3, с. 140]. Более того, если в польском тексте король благословляет молодых и объявляет зятя преемником [3, с. 140], в русском варианте тесть даже просит прощения у Емели [2, с. 321]. Так главный герой обретает новый дом и воцаряется.

В белорусской волшебной сказке «Іскарка-парубак Дзевічы сын» [5, с. 85–96] имеет место совмещение двух сюжетов: сказку условно можно разделить на две части. Сюжет первой [5, с. 85–86] практически идентичен сюжету русской сказки о Емеле и польской – о Пецивале.

Один из трех сыновей – дурак, и в то время, когда двое «умных» братьев едут в лес, главный герой остается дома с невестками. Те испекли блинов и просят дурака сходить за водой. Дурак соглашается, и недалеко от колодца, у реки, находит застрявшую щуку. За освобождение щука обещает выполнить любое желание белорусского Емели. Первым его желанием становится, чтобы ведра сами черпали воду и сами вернулись домой. Вторым – чтобы сани ехали в лес своим ходом (так как дурак перед этим убил лошадь, не желавшую его слушаться). Третье желание – чтобы дрова рубились сами: дурак «з атрада тапара не дзяржаў у руках» [5, с. 86].

По возвращении домой дурак едет мимо озера и видит рыбу, которую словили крестьяне, и произносит пророчество: «Вось рыбіна дарагая, хто яе з’есць, той сына родзіць... Будуць тры сыны і ўсе багатыры» [5, с. 86]. Так начинается вторая часть сказки, сюжетно ничем, помимо данного пророчества, не связанная с первой [5, с. 86–96]. У царицы, царевны и собаки после того, как те съели упомянутую рыбу, рождаются сыновья-богатыри. Когда им исполняется семнадцать лет, приходит время решить, кто из богатырей самый сильный. Сильнейшим признают сына царевны, которому удалось расщепить мечом камень надвое [5, с. 87]. «Іскарка-парубак Дзевічы сын», сын царевны и заглавный герой сказки, отправляется на бой с чудовищем («Юда з трыма галавамі»).

Отметим, что борьба с чудовищем, согласно тексту сказки, – личная инициатива братьев-богатырей, а не выполнение царского задания; они сами просят царя дать им три меча, по пятнадцать пудов каждый [5, с. 86], однако в сражении с Юдой участвует только сын царевны. Герой «на вараным кані» убивает Юду в первый же день, во второй день на мосту появляется чудовище уже с шестью головами, но богатырь побеждает и его [5, с. 88]. На третий день является чудовище с двенадцатью головами, и сыну царевны также удается его одолеть.

В дальнейшем братья-богатыри сталкиваются с вдовами убитых чудовищ (ср. месть матери Гренделя – чудовища из англосаксонского эпоса «Беовульф» [11, с. 88–94]), но главный герой спасает братьев от гибели, однако те предают его, бросая в беде [5, с. 91–92]. Сын царевны спасается благодаря кузнецу, в доме которого богатырь остался жить и работать на три года. Затем три года главный герой прожил у другого кузнеца, так как нарушил запрет первого кузнеца нигде не останавливаться [5, с. 93]. Примечательно, что в белорусской сказке подчеркивается тоска героя по дому. Богатырь нарушает запрет второго кузнеца не подниматься на гору и не смотреть на свой дом, мать и отца во дворе, и по этой причине вынужден скитаться еще три года [5, с. 93].

Третий дом, в котором останавливается протагонист, оказывается царским, хозяин дома дает богатырю задание привезти ему невесту, а в дорогу взять с собой сватов. Помимо двенадцати сватов, попутчиками сына царевны становятся сказочные персонажи с неординарными способностями, которые заключаются, как правило, в выполнении какой-либо функции, зачастую ясной уже по имени героя: «Абпівала» (мог выпить всю воду из реки), «Аб’ядала» (ел в огромных количествах), «Гуныка» (не боялся огня), «Даўгашост» (быстро преодолевал огромные расстояния), «Лысяя Муха» (укусила богатыря, предупредив тем самым о победе царевны-невесты) [5, с. 94–95].

По возвращении богатыря царь, давший ему задание, собирается убить главного героя, но его планам мешает царевна-невеста; более того, она способствует гибели царя и выходит замуж за богатыря (ср. финал сказки «Жар-птица и Василиса-царевна») [5, с. 96; 2, с. 333–338].

Как видим, вторая часть белорусской сказки представляет собой героический сюжет с элементами волшебства (победа над чудовищем, выполнение заданий, женитьба на царской дочери). В целом довольно показательным является сам факт совмещения двух разных сюжетов (о дураке и щуке, и о богатыре) в белорусском варианте сказки, чего не наблюдалось ни в русском, ни в польском текстах.

Отметим, что в русской, белорусской и польской сказках концепт «дом» тесно связан с родным домом Емели (дурака, Пецивала). В русской и польской – также с его любовью к красивой одежде (подарки братьев), в дальнейшем доме для главного героя становятся бочка (номинально на время изгнания) и дворец. В польском варианте дом вызывает также гастрономические ассоциации (квас, подливка и лук, приготовленные невестками) [3, с. 135]. В белорусском – вни-

мание акцентируется на тоске героя по дому, имеющей место, однако, во второй (богатырской) части сказки.

На основе анализа русской, белорусской и польской версий сказки о Емеле (Пецивале) можем сделать вывод, что во всех трех вариантах схожи сюжет, персонажи и их отношение к дому. При этом есть ряд специфических особенностей, как, например, уточнение гастрономических предпочтений Пецивала в польском тексте и там же – стеклянная (а не деревянная) бочка, в которой запирают главных героев. В русском варианте – просьба о прощении прежде враждебного тестя, а также меньший гротеск в изображении глупости главного героя (в польской сказке, когда Пецивала бьют, он вначале принимает это за щекотку, в русской – сразу же отвечает на агрессию). Общим для русского и польского вариантов является также восхождение сюжета с бочкой к древнегреческой мифологии, а также общая цветовая символика – красный цвет одежды, о которой мечтает главный герой.

В белорусском варианте можно проследить отсылки к англосаксонскому эпосу в эпизоде, где вдовы чудовищ пытаются отомстить богатырям за погибших мужей (в поэме «Беовульф» мать убитого чудовища Гренделя мстила главному герою за сына). Более того, как нами уже было отмечено, братья-богатыри в белорусской сказке сами вызываются помочь простым людям избавиться от чудовищ [5, с. 86], что также сближает их с героем древнеанглийского эпоса Беовульфом [11, с. 38–39, с. 115].

Проанализируем также имена главных героев в русском, белорусском и польском текстах. Имя «Емеля» используется не только в сказках, но и в русских поговорках (ср. «Мели Емеля, твоя неделя» – о лжеце). Данное имя имеет латинское либо греческое происхождение. В первом случае Емельян – «соперник, участник соревнования», во втором – «льстец» [12, с. 131]. Латинское значение имени более актуально для проанализированной нами волшебной сказки, в которой, безусловно, имеет место некое соревнование (за сердце царевны, например, а также за новый дом – царский), поэтому в некоторой степени Емеля – говорящее имя, не отражающее, однако, образ жизни главного героя на момент завязки так однозначно, как имя «Пецивал» в польской версии.

Имя белорусского Емели в изученном нами тексте вовсе отсутствует (он зовется дураком), а заглавным героем выступает богатырь, сын царевны, что и отражено в его имени (Искарка-парубак Дзевічы сын).

Имя главного героя в польском варианте является говорящим: «Пецивал», при дословном переводе с польского означает «печной лежебока» [3, с. 134].

Заключение. Таким образом, проанализировав русский, белорусский и польский варианты сказки о Емеле, приходим к следующему выводу. Наряду с общими чертами, в каждом из вариантов концепт «дом» обретает национальную специфику, свойственную той или иной лингвокультуре. К общим чертам отнесем: важность родного дома для главного героя; смена героем места проживания (отцовский дом, собственный дворец, царский дворец); изгнание героев из дома как способ

наказания (эпизод с бочкой в русской и польской сказках и скитания богатыря в белорусской сказке). К идиоэтническим чертам следует отнести такие особенности, как: в русской сказке – приписываемые главному герою глупость и лень не гиперболизируются, что делает его трепетное отношение к дому более искренним; в польской сказке – уточнение гастрономических предпочтений главного героя, дополняющее образ родного дома; в белорусской сказке – совмещение сюжета о дураке и щуке с богатырским сюжетом, а также наиболее ярко выраженный мотив тоски героя по родному дому, которому посвящается отдельный эпизод. Выделенные нами идиоэтнические и универсальные черты подтверждают необходимость дальнейшего анализа ключевых концептов сказочного дискурса восточных и западных славян, объединенных схожим сюжетом либо образом главного героя и не утративших актуальность в наше время.

Литература

1. Чернявская, В.Е. От анализа текста к анализу дискурса / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: сб. науч. тр. / Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина; под науч. ред. Л.А. Манерко. – Рязань, 2002. – С. 230–232.
2. Афанасьев, А.Н. Народные русские сказки. Полное собрание в одном томе / А.Н. Афанасьев; под ред. Е.Г. Басовой. – М.: Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2018. – 1087 с.
3. Предания, сказки и мифы западных славян / Г.М. Лифшиц-Артемьева [и др.]; под общ. ред. Г.М. Лифшиц-Артемьевой. – М.: Эксмо, 2021. – 480 с.
4. Erben, K.J. Vybrané báje a pověsti národní jiných větvi slovanských / K.J. Erben. – Praha: Východní slovanské, 2013. – 223 s.
5. Чарадзейныя казкі: у 2 ч. / склад. К.П. Кабашнікаў, Г.А. Барташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2003. – Ч. 1. – 639 с.
6. Маслова, В.А. Духовный код в русской лингвокультуре / В.А. Маслова // Chrzescijanski dziedzictwo duchowe narodow slowianskich. Język. Literatura. Kultura. Historia. – Białystok, 2016. – Т. 1. – С. 315–324. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26217> (дата обращения: 25.09.2022).
7. А.Н. Афанасьев и его фольклорные сборники / Российские универсальные и тематические энциклопедии [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://narodnye-russkie-skazki.gatchina3000.ru/afanasiev-i-folklore.htm>. – Дата доступа: 05.08.2022.
8. Кондрашов, А.П. Большой новейший справочник необходимых знаний / А.П. Кондрашов. – М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1088 с.
9. Фрээр, Дж.Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж.Дж. Фрээр. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 976 с.
10. Пропп, В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2021. – 640 с.
11. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах / С.Е. Шлапоберская [и др.]; под общ. ред. С.Е. Шлапоберской. – М.: Худож. литература, 1975. – 751 с.
12. Петровский, Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц / Н.А. Петровский. – М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – 477 с.

Поступила в редакцию 25.11.2022